

24. *Shamionov R. M. Sotsializatsiya i resotsializatsiya lichnosti: normativnost i protsessualnost // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya». 2012. T. 1. Vyip. 4. S. 3–8.*

С. И. Богданов, К. С. Пигров, К. В. Султанов

УНИВЕРСИТЕТ КАК ГОРИЗОНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ

Исследование поддержано грантом РФФИ 18-011-00759
«Формирование постматериальных ценностей молодежи
в образовательном пространстве и молодежных субкультурах.
Социокультурная аналитика состояния и развития прогностики социальных рисков»

В статье представлена методология исследования университета как форпоста в борьбе за поддержание цивилизованности современного общества — противостояния идеям тотальной войны и субкультуры криминала. Прояснен смысл феноменологических концептов (горизонт, аппрезентация и др.) применительно к анализу современного образования в генезисе мировосприятия российской молодежи. Феноменологический подход оказывается незаменимым в связи с усложнением общей ментальной картины мира, когда осуществляется переход от преимущественно печатного к машинно-компьютерному слову в образовании. Подчеркнута роль философских и филологических курсов для культивирования духа свободного и ответственного поиска истины, характерного для университета Нового времени.

Ключевые слова: российская молодежь, университет как социальный институт, горизонт, аксиологическое пространство, аппрезентация, тотальная война, субкультура криминала.

S. Bogdanov, K. Pigrov, K. Sultanov

UNIVERSITY AS A HORIZON IN THE YOUTH'S AXIOLOGICAL DOMAIN

The article presents methodology of researching the university as a social institution in correlation with other institutions of the new European civilization. Special emphasis is placed on the role of the university in opposing the ideas of total war and the subculture of criminality. The functioning of some phenomenological concepts (horizon, appresentation, etc.) is clarified with reference to analyzing modern education in order to understand the role of the modern university in the genesis of the Russian youth's worldview. The phenomenological approach is irreplaceable in connection with the complication of the overall mental picture of the world, when the transition is taking place from the predominantly printed to the automated computer word in education. The paper underlines the role of philosophical and philological courses in cultivating the spirit of free and responsible search for truth, characteristic of the modern-day university.

Keywords: Russian youth, university as a social institution, horizon, axiological domain, appraisal, new European civilization, total war, criminal subculture.

Общая цель наших многолетних комплексных исследований современной российской молодежи состоит в том, чтобы с

точки зрения целостного общегуманитарного и, в первую очередь, филологического, философского и социокультурного под-

ходов на основе их единства прояснить и осмыслить роль университета в аксиологическом мире молодых людей России. Конкретная задача данной статьи состоит в том, чтобы наметить возможности исследования места и роли университета как социального института во взаимодействии с другими институтами новоевропейской цивилизации в его российской модификации, а также прояснить, как «работают» некоторые феноменологические концепты (горизонт, аппрезентация и др.) применительно к анализу современного образования. Мы стремились показать, что эти концепты могут быть использованы в осмыслении роли современного университета в генезисе мировосприятия российской молодежи. Феноменологический подход оказывается незаменимым в связи с усложнением общей ментальной картины мира в условиях перехода от преимущественно печатного к машинно-компьютерному слову.

1

Концепт горизонта был разработан в феноменологическом плане Э. Гуссерлем [3] и М. Хайдеггером [17]; с ним сближаются некоторые идеи феноменологической аксиологии, эксплицированные М. Шелером (см., например, [20]).

С точки зрения основателя феноменологии, развитой в дальнейшем его последователями, для всякой актуальной данности воспринимаемого предмета существует *горизонт*. Он выступает как то, к чему сознание актуально не обращено, но тем не менее переживается неявно и в известной степени эквивалентно подсознательному во фрейдовском смысле. *Аппрезентация* — то, что в действительности не дано, — определяет, презентует то, что действительно дано. Происходит косвенное перцептуальное представление невидимых сторон предмета на основе восприятия его

видимых сторон. Молодой человек, может быть, никогда в университете не был, но ему знакомы хотя бы связанные с ним университетские здания, которые почти во всяком городе особо акцентированы. Он знает, что некоторые его учителя в школе являются выпускниками университета, и т. п.

Изначальный горизонт — собственная внутренняя временность «Я», поскольку всякое данное в актуальном восприятии находится в потоке, находится на пересечении прошлого и будущего и имеет отношение ко времени. Временной горизонт пересекается с внешним горизонтом, где актуально и имплицитно соприкасаются все «фоновые» данности, неявно имеющиеся в виду по отношению к явно воспринятому предмету. Актуально человек всегда видит только одну «сторону» того, что рассматривает. Другие «стороны» в горизонте, однако, также соприкасаются. Они актуализируются посредством телесной, эмоциональной и интеллектуальной подвижности субъекта. Предметно-конституирующая деятельность «Я» связана со слиянием, взаимопроникновением и взаимомерцанием различных горизонтов. В качестве горизонта всякого предмета предельным образом выступает «мир» как конкретное априори, и университет является важной стороной этого мира в стране и в городе. Мир есть базовая основа того, где мы «всегда-уже» находимся, а университет задает особую духовную наполненность, общую «интонацию» городского и национального мира, существенного для молодого человека, но не всегда эксплицированную.

В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера понятие горизонта используется для современного осмысления времени [17]. В отличие от «внутри-мирового» (онтического) времени экзистенциальное время («временность») является изначально, отнесенным к способу существования того сущего, которое есть мы сами. Горизонт

обозначает открытость временных «экстазов», то есть экзистенциально интерпретированных «прошлого», «будущего» и «настоящего». В горизонте обнаруживает себя ускользание времени, а интенциональность «здесь-бытия» обладает экстатически-горизонтным характером. Временность выступает как горизонт для эксплицитного понимания бытия как такового и в таком качестве являет себя как «темпоральность». Судьба молодого человека, его семьи, его ближайшего окружения так или иначе либо для него лично, либо для его родителей, детей и внуков, прямо или косвенно, связывается с университетом в плане аппрезентации, который позволяет учитывать тонкие, но весьма существенные взаимодействия с этим привилегированным социальным институтом.

Обратимся к некоторым конкретным социокультурным реалиям, которые, будучи рассмотрены в присутствии феноменологии, обнаруживают новые эвристические возможности. Феноменология, в частности, позволяет снять несущественные, хотя, может быть, и навязчиво бросающиеся в глаза моменты во взаимодействии различных планов сознания, выявить решающую, но не всегда осознаваемую роль тонких планов бытия современного сознания, оглушенного избытком «информации» в СМК.

В современной России примерно 30 млн молодых людей, которые по возрасту могли бы учиться в университете. Однако далеко не вся молодежь связывает свою судьбу вообще с высшим образованием, наиболее значимым элементом которого является университет. Принятие индивидуального решения о выборе университета как места образования является сложным и морально напряженным. Но это не значит, что университет для молодых людей, предпочитающих другую, не университетскую стратегию своего будущего, не значим. Многие не планируют, не обсуждают со

сверстниками и родителями возможности университетской карьеры, но университет в их духовной жизни так или иначе незримо присутствует. Не все молодые люди заявляют о своих планах поступить в университет, но аппрезентация университета, может быть, во многом идеализированная, тем не менее неявно, как горизонт, определяет точки зрения российских молодых людей, даже если они и не эксплицируют свою позицию по отношению к университету. Эта аппрезентация задана самой атмосферой новоевропейской цивилизации. Как бы это ни выглядело в стереотипах, навязанных массовым сознанием, но ценности тех людей, которые создают позитивное будущее нашей страны как существенной органической части современного цивилизованного мира, формируются в возможной перспективе именно университетом.

Таким образом университет воздействует не только на индивидуальный выбор, но и на дальнейшие судьбы страны, да и всего человечества. Самое существенное в этом глобальном выборе — будет ли будущее в ожидаемой перспективе мирным, или оно в конце концов снова сползет к тотальной войне (см., например, [9, 23]). Кроме социального института, названного здесь «университет», существуют и другие социальные институты, также обладающие мощными аксиологическими полями, которые подчас сильно от него отличаются и даже являются его противоположностями. Выделим в первую очередь социальные институты церкви, армии (силовых ведомств вообще), а также разнообразные «протестные социальные институты», особенно институт криминала. Ценностные пространства различных социальных институтов иногда поддерживают друг друга, иногда находятся в конфликте. Наша восточноевропейская модификация новоевропейской цивилизации, которую представляет современная Россия, при всех специфиче-

ских отличиях своей модели по своему базовому типу едина с глобальной новоевропейской цивилизацией. Во всех новоевропейских цивилизационных моделях на первом плане ценностей стоят производительный мирный творческий труд, богатый духовный мир, справедливость, честность, законность и т. п. Высочайшей ценностью является способность общества к производству, а не хищническое обогащение, скажем, за счет военного захвата чужих богатств. Однако новоевропейские цивилизационные ценности, выстраданные долгим историческим путем, находятся в фундаментальном противоречии с архаическим социальным наследием, которое не исчезло, хотя мы хотели бы о них *забыть*. (См. о «забытом бытии» у М. Хайдеггера [17].) Они ушли «в основание» общества и при неблагоприятных социокультурных условиях готовы непредсказуемым образом обнаружить себя, что выражается, например, в экстремистской активности, терроризме, бунтах, мятежах, войнах и т. п. При этом весьма существенными оказываются некоторые демографические и антропологические моменты. Как показывают современные исследования (например, [7]), преобладание молодежи, особенно большого количества молодых мужчин с нехваткой постоянной перспективной престижной учебы и мирной работы в рамках цивилизованного функционирования, ведет к большому риску войн.

На том же поле, по преимуществу в ценностной сфере молодежи, «работает» и такой социальный институт, как *тюрьма*, как в русской речи общим словом именуется совокупность пенитенциарных учреждений (исправительная колония, следственный изолятор, изолятор временного содержания и др.). Тюремная субкультура задает свою мощную систему ценностей, во многом не только не согласующуюся, но, к сожалению, чаще всего прямо противоположную тем сверхзадачам, которые пред-

полагаются новоевропейской государственной идеей пенитенциарности. Механизмы такого рода превращенных форм классическим образом исследованы М. Фуко [16], но это не значит, что стихия криминала как в нашей стране, так и в других странах преодолена. В социальном институте криминала обнаруживают себя архаические стихии — тот хаос, который в условиях нарушения порядка цивилизации всегда может выплеснуться «наверх», в эксцессах, разрушающих цивилизационную ткань, и разрушить социальный порядок [6, с. 96–108]. Институт тюрьмы, как он реально функционирует в современных условиях, во многом негативно влияет на сознание всего общества и особенно — на сознание молодежи. Поразительно, насколько низок образовательный уровень заключенных. По данным тюремного ведомства, хотя 75% осужденных мужчин имеют среднее образование, но при этом «почти 10% либо вообще не умеют читать, либо не закончили даже начальной школы» [8]. Разумеется, жесткое противопоставление ценностей университета и тюрьмы является слишком прямолинейным, но оно позволяет подчеркнуть основные аксиологические координаты, которые ведут незримую борьбу за сознание молодых людей. Если университет являет собой наиболее ярко выраженную систему ценностей новоевропейской цивилизации, а церковь — систему ценностей традиционного цивилизованного общества, то криминал предстает как своеобразный «заповедник» архаических ценностных ориентаций.

Таким образом, университет оказывается тем социальным институтом, который является форпостом в непрекращающейся, постоянной и сложной борьбе за поддержание цивилизованности современного общества, всегда готового оборваться в анархию и обнаружить рецидивы самых диких проявлений первобытности. XX век показал нам многочисленные образцы та-

кого обрыва в доцивилизационные состояния. И XXI век не дает гарантий, что такие рецидивы будут исключены.

История, развертывающаяся перед молодыми россиянами, открыта. Будущее не является жестко детерминированным. Оно неопределенно мерцает, как в повести А. П. Чехова «Степь» перед Егорушкой символическим образом видится неопределенная даль (см. подробнее анализ [11, с. 4–8]). В университете судьба России XXI века решается позитивно. Он выступает как подвижный, зависящий от изменяющихся интенций сознания, нетематический «фон», отчасти схватываемый теми тонкими приемами, которые развивает феноменология.

Непосредственными «моделями» нашего анализа были тесно связанные друг с другом и своеобразные Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена и Санкт-Петербургский государственный университет. Их роль в современную нам переломную эпоху весьма существенна, ибо они нацелены на сохранение высокого уровня гуманитарной образованности молодежи в нашей стране (см., в частности, [14, 15]). Сегодня снова решается вопрос о том, сумеет ли Россия войти на ведущих ролях в глобальное сообщество новоевропейской цивилизации. Университет оказывается важнейшей несущей «конструкцией» новоевропейской цивилизации в целом именно потому, что он задает горизонт всей цивилизации. Важность указанных конкретных университетов тем более высока, что в современной российской элите ряд ключевых мест занимают люди, которые прошли образование именно в них.

2

Выше мы в самых общих чертах наметили взаимодействие университета с другими социальными институтами в рамках

новевропейской цивилизации. Но сам университет имеет собственную драматическую судьбу, и эта судьба вовсе не является в будущем однозначно предопределенной. Если обратиться к истории, то становится ясно, что новоевропейская цивилизация в своем становлении одновременно и опиралась на университет, и отталкивалась от него (более подробно этот аспект представлен в публикациях авторов данной статьи, см., например, [12]).

Средневековый университет был первоначально в Европе Нового времени оплотом пережитков средневекового общества, схоластики, консерватизма (как в «позитивном», так и в «негативном» смысле слова). Первоначально он был «реакционен» по отношению к галилеевой науке, развивавшейся тогда по преимуществу в академиях. Университет существовал еще в старом, определенном традиционной цивилизацией горизонте *письма* — горизонте рукописных книг, которые зачитывались профессорами с кафедр, а слушатели конспектировали их содержание, чтобы потом самим зачитывать их с кафедры новому поколению учащихся [1, 4, 10 и др.]. Академии же, напротив, уже сразу существовали в иных перспективах. Они не только делали ставку на использование наук в практике, но были инновационными по своему замыслу. Напомним, что отец-основатель идеи академии Френсис Бэкон высказал базовые идеи самой новоевропейской цивилизации. Академии виделись уже не в горизонте письма, в горизонте *печати* [18]. Первые печатные *научные журналы* утверждают именно академии.

Однако средневековый по своему происхождению университет в Новое время преобразовался. Во взаимодействии с академическими сообществами университет, по существу, возглавил инновационную, сциентизированную цивилизацию. На основе университетов, оплодотворенных академиями, произошло становление и разви-

тие новоевропейской системы *массового образования*, необходимой для техногенного модуса в новоевропейской цивилизации. Типичной университетской формой печати стал учебник, систематически и максимально полно излагавший преподаваемую дисциплину. Диалог учебника, в котором печатаются систематически представленные «общие места», с одной стороны, и научного журнала, где печатаются результаты новых исследований, — с другой, и составил основное содержание функционирования и развития сложившейся галилеевой науки, немыслимой ныне без университета.

3

В условиях стремительной дифференциации научного знания, разделения труда в духовном производстве, аналогичном разделению труда в новоевропейском материальном производстве, университетское образование сделало приоритетными центробежные тенденции. В этой связи особенно острым стал вопрос о целостности университета. Курс философии, философский факультет и весь социальный институт философии в целом естественным образом взял на себя функции скрепляющего начала, которые в средневековых университетах выполняли теологические курсы (ср.: [5]). Систематический философский курс, выстроенный по канонам новоевропейского научного дискурса, дававший на базе постижения предельных оснований бытия упорядоченную картину мироздания, сознания и самосознания, хотя и был унаследован новоевропейским университетом еще от средневекового учреждения, но и по форме, и по содержанию существенно отличался от средневековых курсов прежде всего принципиально новым отношением к религии и церкви. Главная роль философии в университете была в том, чтобы обеспечить кооперацию диверсифицирующемуся

духовному производству и использованию знания. В Уставе СПбГУ дано восходящее к предельным основаниям человеческого бытия принципиальное определение коллектива университета: «творческое сообщество профессоров, преподавателей, обучающихся, научных работников, инженерно-технических работников, деятельность которых направлена на постижение истины, утверждение гуманизма и справедливости» [13].

В университете имеется еще одно подразделение, в названии которого присутствует корень «фило»: филологический факультет. Философия и филология выполняют функции объединения университета. Философия и филология более древнего происхождения, чем господствующие ныне в образовании естественные и технические науки галилеева типа. Уже сам этот общий корень в названиях философского и филологического факультетов, в сущности, близких друг другу, вызывает к их собственному взаимному сближению в университете, что до сих пор реализовано не в полной мере. Именно в философии и филологии внутренние центростремительные силы, направленные на единство гуманитаристики и на единство человеческого знания вообще, оказываются наиболее сильны (см., например, анализ М. Ямпольского [22, с. 10–23]). Философия и филология, даже поддаваясь соблазнам научной дифференциации, сами никак не позволяют себе забыть своего органического единства — не могут забыть о своих античных корнях.

Становится все более актуальным новый синтез университета, который ко второй половине XX века, по правде говоря, в значительной мере рассыпался на полуправляемую агрегацию факультетов и институтов. Новый синтез университета имеет свое «технологическое» основание также и в технических средствах коммуникации. Развивая господствовавшее в новоевропей-

ском университете печатное слово, на авансцену выходит теперь машинно-компьютерное слово. Именно оно вселяет в нас надежду, что наука XXI века не будет разваливающейся Вавилонской башней, когда ученый способен овладеть, даже в своей узкой специальности, только примерно десятью процентами всей информации. Идеал новоевропейской науки по самой своей сути — это единство, обобщимость и упорядоченность, которой будет способствовать компьютерное представление.

Этот новый синтез иначе высвечивает особую роль педагогического процесса в университете. Университет имеет свой вещественный «скелет»; роль архитектуры университета дидактически существенна не только потому, что связывает современность с историей. Скажем, комплекс зданий РГПУ им. А. И. Герцена на Мойке демонстрирует глубинную связь между отдельными факультетами. Она, эта архитектура, есть, по существу, застывшее обнаружение идеи университета (перифразируя И. В. Гёте, можно сказать: «застывшая музыка идеи университета») как постоянно восстанавливаемое единство развивающегося знания. Информационная архитектура машинно-компьютерного слова нащупывает единство с традиционным искусством университетского зодчества.

В плане преподавания языка и филологии необходимо учесть, какую роль для русской науки и русского сознания вообще играет филологическая сторона национального бытия, именно — знание классических и современных иностранных языков. В то же время существенно, что изучение родного языка оказалось пока в небрежении на всех других факультетах и в институтах, кроме филологического. Филологическое развитие универсанта пока оказывается якобы «законченным» на уровне средней школы, что необходимо исправить в будущем.

Философия и филология в новоевропейском университете заботливо сохраняли в нем аксиологическое измерение. Корень «фило» в слове «философия», интерпретируемый сущностно, манифестировал взаимное тяготение друг к другу самых различных, но единых по своей природе разделов знания. Университетская философия напоминала узким специалистам, что все они одного происхождения. Философия — это их духовная родина. Даже если и иметь в виду только практическую, утилитарную пользу положительных наук для благоустройства нашей жизни в этом мире, то вопрос о единстве и о мировоззренческом смысле положительного знания, как гуманитарного, так и естественнонаучного и технического, все равно не отменяется. Пусть ученые прокламируют утилитарную полезность своих исследований, — это еще не значит, что, собственно, сама эта полезность является непосредственным стимулом их научного творчества. Именно стремление к знанию ради самого знания оказывается решающим побудителем для научного исследования. «Я прежде всего думаю, — писал А. Эйнштейн, — что одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причина толкает людей с тонкими душевными струнами от личных переживаний в мир объективного видения и понимания» [21, с. 40].

Любовь к мудрости, культивируемая философией, и внеутилитарная любовь к слову как к самоценности, культивируемая филологией, скрыто, но существенно живет в каждой университетской дисциплине, придавая ей собственно университетский статус. Конечной целью университетского образования вовсе не является накопление научной «информации» как таковой и ее выгодная «продажа» на рынке современ-

ной интеллектуальной деятельности и материального производства. В университете речь идет о продуцировании и трансляции не «информации», а *знаний*, то есть о выявлении горизонта *смыслов*, которые могут возникнуть только при условии *систематически* и, следовательно, *философски организованной* «информации». Идея университетского образования — это, в конечном счете, горизонт *идентификации* с высшим, с трансцендентным, с Абсолютом через коммуникацию с единомышленниками, коллегами по университетскому служению, через социализацию в университете и через университет.

Университет как социальный институт в системе народного просвещения есть постоянное напоминание о том, что познание — это вовсе не такое дело, которое мы делаем ради чего-то другого, например, для применения этого знания на практике: в промышленности, в политике и т. п. Нет, сама политика, промышленность и всяческие формы практики существуют, в высшем значении этого слова, для того, чтобы люди, представляющие поле новоевропейской аксиологии, могли заниматься познанием — высшей радостью и смыслом человеческого бытия. Таким образом понятая идея университета тем более верна для педагогического университета, ибо здесь она должна быть эксплицирована практически. Ведь его выпускники, будущие педагоги, призваны привить своим ученикам убежденность в том, что познание, в какой бы форме и в какой сфере оно ни осуществлялось, есть высшая радость человеческого бытия. Мотивированность самим процессом познания как таковым, культивируемая в университете, проецируется на отношения людей друг к другу. Университет — это, по сути, *машина высокой дружбы*, ибо она дает возможность подлинно человеческого общения в процессе совместного познания. Сфера университетской деятельности задает модель иде-

альной Касталии [2] для всех остальных сфер человеческой жизни. Не случайно социальные институты университета и науки вообще выступали в качестве модели идеального общества будущего в гуманистическом марксизме (см., например, исследования Ю. М. Шейнина [19]).

Университет и в Средние века, и в Новое время как непосредственно, так и опосредствованно конституировал творческое (и правящее) меньшинство в обществе и государстве. Во все эпохи это меньшинство, если оно обладало ответственностью и связанным с ней достоинством, оказывалось на высоте тех вызовов, которые предлагала история. Поэтому университет в Новое время был и остается *школой человеческого достоинства*.

Для российской интеллигенции достоинство и ответственность представляют большую проблему. Развращенные «суровым комфортом тоталитаризма», мы притерпелись к «культуре бедности» в плане независимости собственного мнения. Конечно, вообще не только лекции по философии и изучение филологии смогут сформировать достоинство российского творческого меньшинства XXI века. Философские и филологические курсы жизненно необходимы для прояснения, культивирования и кристаллизации того духа свободного и ответственного поиска истины — духа фундаментальной сознательной решимости, обращенной к сути бытия, который, открыто или потаенно, всегда присутствовал и присутствует в университете Нового времени. В этом смысле идея университета, зародившаяся в своей основе еще в «осевое время», принадлежит к тем вечным идеям, к тем инвариантам, которые могут на том или ином отрезке исторического времени сильно видоизменять формы своего бытийствования под влиянием изменений сигнифицированного слова, но сохраняют непреходящий горизонт своего содержания. Словом, идея университета вы-

ражает один из важнейших и высших смыслов как новоевропейской цивилизации, так и всего человеческого бытия. Освоение университетского аксиологического горизонта молодежью не только

непосредственно в самом университете, но и под его воздействием за пределами, раскрываемого в терминах аппрезентации, оказывается одной из самых приоритетных задач воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука. 1980. 568 с.
2. *Гессе Г.* Игра в бисер. М.: Художественная литература, 1969. 544 с.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. М.: Ювента, 1998. 315 с.
4. *Деар П., Шейтин С.* Научная революция как событие. М.: НЛЮ, 2015. 576 с.
5. *Кант И.* Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М. И. Левиной; отв. ред. Л. А. Калинин. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
6. *Клейн Л. С. (Лев Самойлов).* Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.
7. *Копцева Н. П., Резникова К. В.* К вопросу о культурно-психологических факторах национальной безопасности. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «современная война» (на материале исследований в студенческих группах Сибирского федерального университета) // Национальная безопасность. 2014. № 5 (34). С. 791–815.
8. *Куликов В., Полякова Ю.* Кризис среднего возраста. Тюремное население перестало молодеть и сократилось с начала года на 13 тысяч // Российская газета. Федеральный выпуск № 5493 (117). URL: <https://rg.ru/2011/06/02/turmy.html>; 07.08.18.
9. *Людендорф Э.* Тотальная война. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
10. *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках: в 3 т. / пер. с нем. Ф. А. Коган-Бернштейн и П. С. Юшкевича; предисл. С. Ф. Васильева. М.; Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933–1934. Т. 1. 303 с.; Т. 2. 222 с.; Т. 3. 324 с.
11. *Пигров К. С.* Генезис постижения социума: горизонт и созерцание // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 4–8.
12. *Пигров К. С.* Университет и философия (некоторые проблемы гуманитаризации университетского образования) // Серия «Мыслители», *Miscellanea humanitaria philosophiae*: Очерки по философии и культуре. Вып. 5. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 157–169.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2010 г. № 1241 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Санкт-Петербургский государственный университет”». Общие положения, п. 4.
14. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. П. А. Клубков; рук. проекта С. И. Богданов. М.; СПб.: ВЛАДОС: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 720 с.; Т. 3. 704 с.
15. *Султанов К. В.* Ребенок в современном мире. Обзор конференции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2002. Т. 2. № 2. С. 235–239.
16. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. 4-е изд., испр. М.: Академический проект. 2013. 460 с.
18. *Шебунин А. Н.* Основание Академии наук // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 7–28.
19. *Шейнин Ю. М.* Интегральный интеллект. М.: Молодая гвардия, 1970. 256 с.
20. *Шелер М.* Формы знания и образование // Макс Шелер. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 15–56.
21. *Эйнштейн А.* Мотивы научного исследования // Альберт Эйнштейн. Собрание научных трудов. Т. IV. М.: Наука, 1967. 600 с.

22. Ямпольский М. Филологизация (проект радикальной филологии) // НЛО. 2005. № 75. С. 10–23.
 23. Kegel J. «Wollt Ihr den totalen Krieg?» // Eine semiotische und linguistische Gesamtanalyse der Rede Goebbels' im Berliner Sportpalast am 18. Februar 1943. Niemeyer: Tübingen, 2006. 256 S.

REFERENCES

1. Gaydenko P. P. Evolyutsiya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervyih nauchnyih programm. M.: Nauka. 1980. 568 s.
2. Gesse G. Igra v biser. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1969. 544 s.
3. Gusserl E. Kartezijskie razmyshleniya. M.: Yuventa, 1998. 315 s.
4. Dear P., Sheypin S. Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie. M.: NLO, 2015. 576 s.
5. Kant I. Spor fakultetov / per. s nem. Ts. G. Arzakanyana, I. D. Koptseva, M. I. Levinoy; otv. red. L. A. Kalinnikov. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2002. 286 s.
6. Kleyn L. S. (Lev Samoylov). Etnografiya lagerya // Sovetskaya etnografiya. 1990. № 1. S. 96–108.
7. Koptseva N. P., Reznikova K. V. K voprosu o kulturno-psihologicheskikh faktorah natsionalnoy bezopasnosti. Rezultaty assotsiativnogo eksperimenta s assotsiatom «sovremennaya voyna» (na materiale issledovaniy v studencheskikh gruppah Sibirskogo federalnogo universiteta) // Natsionalnaya bezopasnost. 2014. № 5 (34). S. 791–815.
8. Kulikov V., Polyakova Yu. Krizis srednego vozrasta. Tyuremnoe naselenie perestalo molodet i sokratilos s nachala goda na 13 tyisyach // Rossiyskaya gazeta. Federalnyiy vyipusk № 5493 (117). URL: <https://rg.ru/2011/06/02/turmy.html>; 07.08.18.
9. Lyudendorf E. Totalnaya voyna. M.: Eksmo, 2015. 448 s.
10. Olshki L. Istoriya nauchnoy literatury na novyih yazykakh: v 3 t. / per. s nem. F. A. Kogan-Bernshteyn i P. S. Yushkevicha; predisl. S. F. Vasileva. M.; L.: Gosudarstvennoe tekhniko-teoreticheskoe izdatelstvo, 1933–1934. T. 1. 303 s.; T. 2. 222 s.; T. 3. 324 s.
11. Pigrov K. S. Genezis postizheniya sotsiuma: gorizont i sozertsanie // Vestnik SPbGU. 2011. Ser. 6. Vyip. 4. S. 4–8.
12. Pigrov K. S. Universitet i filosofiya (nekotorye problemyi gumanitarizatsii universitetskogo obrazovaniya) // Seriya «Myisliteli», Miscellanea humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kulture. Vyip. 5. K 60-letiyu professora Yuriya Nikiforovicha Solonina. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obschestvo, 2001. С. 157–169.
13. Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2010 g. № 1241 «Ob utverzhdenii ustava federalnogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyiy universitet"». Obschie polozheniya, p. 4.
14. Rossiyskiy gumanitarnyy entsiklopedicheskiy slovar: v 3 t. / gl. red. P. A. Klubkov; ruk. proekta S. I. Bogdanov. M.; SPb.: VLADOS: Filol. fak-t SPbGU, 2002. T. 1. 688 s.; T. 2. 720 s.; T. 3. 704 s.
15. Sultanov K. V. Rebenok v sovremennom mire. Obzor konferentsii // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2002. T. 2. № 2. S. 235–239.
16. Fuko M. Nadzirat i nakazyivat. Rozhdenie tyurmy / per. V. Naumova; pod red. I. Borisovoy. M.: Ad Marginem, 1999. 479 s.
17. Haydegger M. Bytie i vremya / per. V. V. Bibihina. 4-e izd., ispr. M.: Akademicheskii proekt. 2013. 460 s.
18. Shebunin A. N. Osnovanie Akademii nauk // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 54. S. 7–28.
19. Sheynin Yu. M. Integralnyiy intellekt. M.: Molodaya gvardiya, 1970. 256 s.
20. Sheler M. Formy znaniya i obrazovanie // Maks Sheler. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Gnozis, 1994. S. 15–56.
21. Eynshteyn A. Motivyi nauchnogo issledovaniya // Albert Eynshteyn. Sobranie nauchnyih trudov. T. IV. M.: Nauka, 1967. 600 s.
22. Yampolskiy M. Filologizatsiya (proekt radikalnoy filologii) // NLO. 2005. № 75. S. 10–23.
23. Kegel J. «Wollt Ihr den totalen Krieg?» // Eine semiotische und linguistische Gesamtanalyse der Rede Goebbels' im Berliner Sportpalast am 18. Februar 1943. Niemeyer: Tübingen, 2006. 256 S.